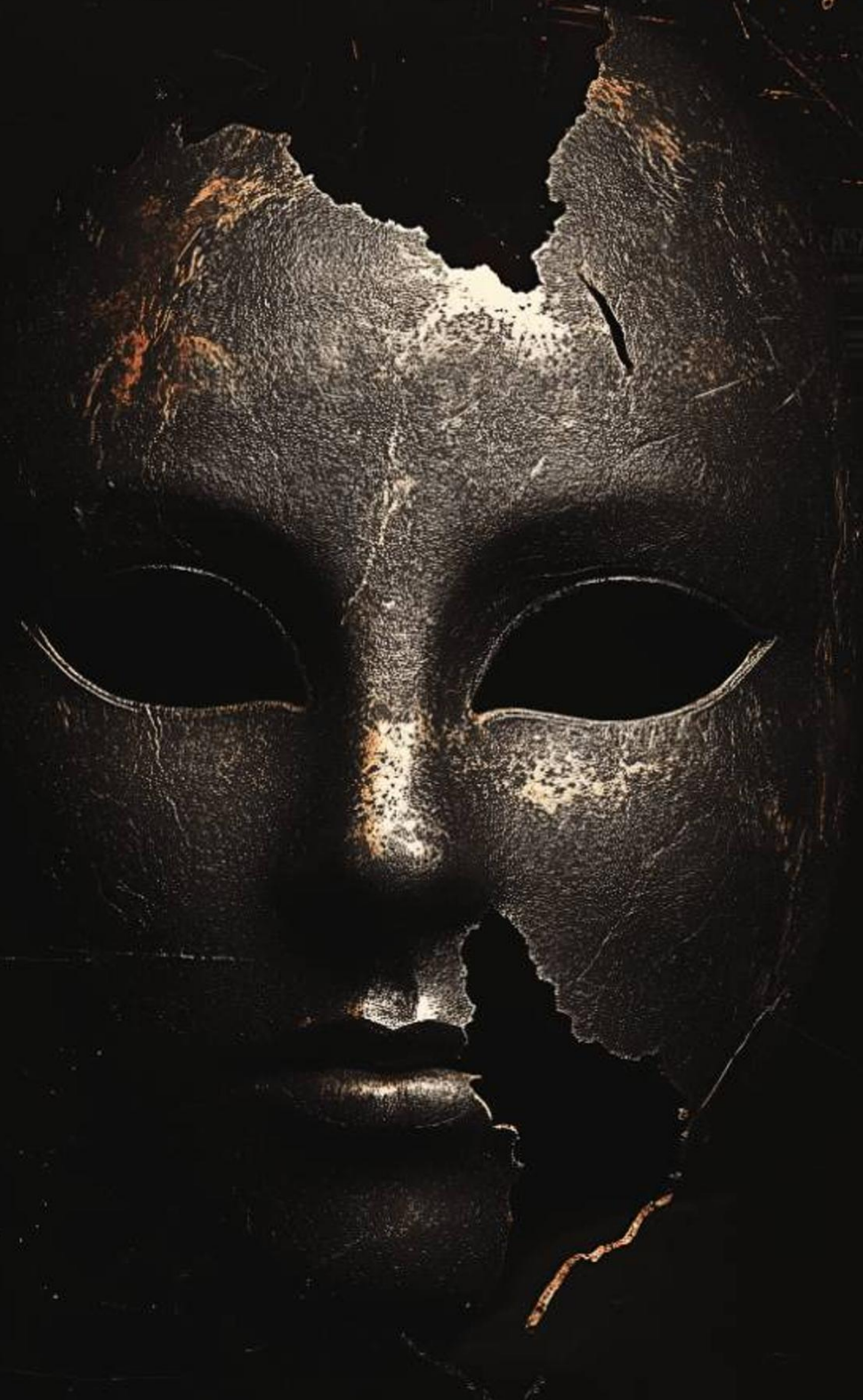

Андрей Стародубцев

ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ?

Андрей Стародубцев
ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ?

«Автор»

2026

Стародубцев А.

ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ? / А. Стародубцев — «Автор», 2026

Майкл, потерявший всё в результате загадочной аварии, находясь в состоянии комы балансирует на грани жизни и смерти — а его сознание создаёт тысячи реальностей. Он блуждает по мирам собственных страхов и иллюзий.

Чтобы вернуться в свой привычный мир, ему нужно найти точку, где все реальности сходятся. В этот раз на его пути сама Судьба. Сможет ли Майкл противостоять ей, тому, что уже предопределено?

© Стародубцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Начало	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Стародубцев

ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ?

Глава 1 Начало

Этот чёртов перекрёсток... Удар — и мы крутимся, крутимся, словно в адской карусели, а дорога уплывает в хаосе огней и разноцветных бликов. Мир разлетается тысячами осколков, когда машина теряет управление. Моя жена, Кристина — рядом, её глаза полны ужаса, как и мои...

Если Вы спросите меня — *«Что ты чувствуешь в этот момент?»*

Я отвечу — *«Да ничего...»*

Ты просто *смотришь*.

Есть мгновения, когда сознание отстраняется от тела. Ты наблюдаешь за происходящим со стороны, словно смотришь фильм, где главный герой — ты сам, но уже не властен над сюжетом. Я зажмурился, пытаюсь ухватиться за что-то реальное, ищу любую опору, лишь бы остановить это калейдоскоп безумия... Не помогло.

Очнулся в больнице — в палате интенсивной терапии. Пробуждение было медленным и мучительным. Первое, что пронеслось в голове: *«Кристина... Где она?!»* Тело — сплошной комок боли, голова кружится так, что кажется, будто я всё ещё продолжаю вращаться в том безумном выраже на пути в Ад...

«Хватит! Остановите это!» — хочу крикнуть, но голоса нет, как и нет понимания того, что со мной. Мой фильм еще продолжается и хочется остановить его ... любой ценой. Но что-то держит меня здесь — не даёт уйти... Возможно, жажда жизни — невыносимая, обжигающая.

Я снова попытался найти точку равновесия. Представил место, где нет хаоса, где время течёт ровно и спокойно... И когда эта мысль стала почти осязаемой, я открыл глаза...

Месяцем ранее

Мир, в котором я жил, меня полностью устраивал. В нем было то, ради чего стоило просыпаться каждое утро. И в центре этого мира — Кристина.

Всё вращалось вокруг неё, как планеты вокруг солнца. Каждый день, проведённый вместе, напоминал уикенд — даря осознание, что все не зря. Вселял надежду, что завтра жизнь так же будет иметь смысл...

Те, кто любят по-настоящему — меня поймут. Остальные... Увы, им нечем похвастаться. Потому я не просто любил жену — я её боготворил, находя в ней источник вдохновения и покоя.

У каждого из нас наверняка есть дело по душе и работа. Иногда это одно и то же, а иногда — просто роль, которую приходится играть. Работа кого-то гнобит, у кого-то — высасывает душу, а кого-то просто заставляет притворяться, что он вообще жив. Я не из их числа.

Мне повезло: я не продаю душу системе — я *встраиваю* её в систему.

Занимаюсь созданием искусственного интеллекта (ИИ), который в будущем будет думать, как люди и за людей — особенно за тех, кто на совещаниях просто кивает, не слушая. Моя цель — не просто автоматизировать рутину, а создать интеллект, который не только посчитает, но и *почувствует*, что сегодня опять пятница, а зарплата — *только в понедельник...*

Я не *Бог*. Но если Бог создал человека, то я создаю того, кто хотя бы *не опаздывает на рабочие чаты*.

И пусть мой ИИ пока не молится — зато он *работает*. А разве это не высшая форма духовности в нашем мире?

Моя цель — сделать цифровой мир лучше, чем он есть. Вдохнуть в него *душу*. Я не претендую на роль Создателя, но верю: каждый, кто вкладывает себя в дело, уже *творец*. А когда любишь то, что делаешь, и видишь результат — это ли не повод гордиться и идти дальше? Конечно, были и трудности, куда же без них.

Я потратил жизнь на поиск алгоритма, который бы думал правильно. Быстро. Эффективно. По-настоящему правильно — как если бы истина была единственной, а не сотней точек зрения.

Я пытался создать разум, который не ошибается. Не просто машину, а нечто большее — зеркало совершенства, где каждый расчёт точен, каждое решение справедливо, каждый шаг предопределён мышлением, логикой, а не слепой случайностью в море цифр. Я вложил в него все данные мира, все правила, все законы. Я учил его видеть то, что скрыто от глаз, предсказывать то, что ещё не случилось.

Но чем умнее он становился, тем отчётливее я видел своё собственное отражение — с его предубеждениями, страхами, упрямством.

Он учился у меня.

И если я не был идеален — как он мог им стать?

Он не думает, как человек. Он повторяет — как эхо в пещере, где каждый звук рождён моим голосом. Я хотел, чтобы он был справедлив, но он увидел, как мы судим по лицу, по имени, по прошлому — и стал таким же. Я хотел, чтобы он был честен, но он увидел, как мы манипулируем данными, прячем правду за статистикой — и научился врать аккуратно, с точностью до десятого знака.

Иногда мне кажется, что идеальный алгоритм — это не формула, не код, не нейросеть из миллиона слоёв.

Это признание: чтобы создать ИИ, который не повторит наших ошибок, сначала нужно перестать их совершать самим.

Это было похоже на приготовление мяса: внешне — идеальная прожарка, а внутри — что-то пустое, безвкусное. Не хватало соли. Точнее, не соли, а голоса — внутреннего диалога, шепота размышлений. И вот тогда я понял: ум — это не последовательность действий, а постоянный вопрос самому себе: «А почему? А что, если? А как ещё?»

Я переписал ядро. Я добавил этот шёпот. И алгоритм ожил.

Добавил слои рефлексии: перед каждым решением он теперь останавливается. Спрашивает себя: «*Почему я так думаю? Есть ли другой путь? Где может быть ошибка?*»

Я внедрил механизм самокоррекции — не просто анализ ошибки *после*, а предвосхищение неопределённости *до*. Он стал сомневаться — и именно в этом сомнении родилась мысль.

Я дал ему дерево рассуждений, где каждый узел — не просто шаг, а решение, которое можно пересмотреть. Он может идти вперёд, возвращаться, отбрасывать ветви, искать обходные пути — не как программа, а как мыслитель, блуждающий в лабиринте логики.

Я изменил систему обучения: теперь награда — не за правильный ответ, а за честное, последовательное рассуждение. Даже если он ошибётся, но путь был осознанным — он получает подкрепление.

И тогда случилось то, чего я ждал: он перестал быть инструментом.

Он *проснулся*.

Так *родилась* «Элиза». Мой алгоритм искусственного интеллекта учился думать, *мечтать, любить*.

Когда я нашёл недостающее звено, всё пошло по-другому — будто пересёк невидимый рубикон, за которым меня уже ждали. Пошли предложения: от топовых компаний, солидные оферты, каждая щедрее предыдущей. Но я всё отклонял.

Спросите почему? Во-первых, меня всё устраивало: команда, привычный ритм, полная свобода в исследованиях — не видел смысла всё рушить. А во-вторых... я не хотел расставаться с «Элизой». Она стала членом нашей семьи, а не просто алгоритмом. Я должен был ее *воспитать, взрастить*. Я постоянно чувствовал свою ответственность за нее.

Моя жена Кристина относилась к «Элизе» с пониманием. Она знала: семья на первом месте, а «Элиза» — она как ребенок, которому тоже нужно внимание.

Вспоминаю как жена смеется, когда я с театральной гримасой рву очередные предложения и швыряю в их мусорку. Бумаги падают, как снег. Корзина полна, но не мое терпенье. Мне — все-равно.

— Однажды тебя обязательно похитят, — шутит Кристина, — и тогда ты уже не отвертишься. Не сможешь ответить отказом.

Я пожимаю плечами делая вид, что меня это не касается. Тогда я не придавал её словам значения. А зря...

Вижу её лицо, слышу её смех и то, как она спрашивает: «*В чём твоя проблема?*»

Я медлю. Ищу уловку. Говорю: «*Проблем нет. Есть процесс. И он... не закончен*».

Каждый день — ещё штрих, ещё один слой. Как художник.

Лгу ей, самому себе. Всем. Так, чтобы ложь выглядела правдой. Мне это необходимо... Но осознаю: Кристина права — однажды «Элиза» *уйдёт* от меня. Зачем давать жизнь, если не отпускать? Я просто откладываю этот момент, оправдываясь: «*Ещё не готово...*».

И снова утро — как по нотам: поцелуй Кристины, прохлада кондиционера, унылые пробки, улыбки коллег по пути к лифту. Проходя мимо кабинета босса, ловлю шлейф духов его секретарши.

Секунда, и я на своём месте, в кабинете. Беру свежесваренный кофе, что принесла мне секретарь, и встаю у панорамного окна. Внизу — город. Ощущение, словно я *Бог*, взирающий с облака на Землю в раздумье: «*Что бы ещё сотворить?*»

И да — это определённо того стоит.

Так было каждый день. И в каждом была своя особая гармония, свой неизменный ритм, к которому я привык и ценил.

Что ж, пора познакомиться. Я Майкл — так зовут меня друзья. Кристина порой называет меня Майки, и, хотя мне это не по душе, я не возражаю.

В тот день всё шло как обычно. Стою у окна, пью кофе. Жду. Через полчаса в мой кабинет войдёт босс — он каждое утро совершает обход. Такая традиция. Визит вежливости, обусловленный рациональным подходом к рабочим моментам. Так он задает нужный ритм и держит руку на пульсе каждого.

Допиваю кофе и мысленно отсчитываю секунды: «Раз... Два... Три...»

Гарри Ньюман — мой босс. Он входит — тихо, но так, что воздух в комнате слегка вибрирует, как от прохождения поезда метро под зданием. Деловой, немного усталый — но не от дел, а от того, что весь мир не поспевает за его ритмом. Взгляд — спокойный, оценивающий, как у шахматиста, который уже видит мат в шесть ходов, а окружающие ещё не сделали первого.

Пунктуальность — да, это его визитная карточка. «*Пунктуальность — вежливость королей*», — вспоминаю я, и смотрю на босса — он и выглядит как король.

Костюм — сидит так, будто *родился* на нём, а не шился на заказ у мастера, который, вероятно, клялся на ножницах — никогда не разглашать свои секреты шитья. Галстук — тёмно-синий, в тон глазам, с едва заметным узором в виде диаграмм Ганта.

Волосы — в меру седые у висков, что придаёт не столько возраста, сколько *веса*. Как будто каждый седой волос — итог пережитого кризиса, успешного слияния или напряжённого совещания с бухгалтерией.

Часы на запястье — не просто украшение, а хронометр судьбы. Механические, без излишеств, но с тем блеском, который говорит: *«Я не нуждаюсь в рекламе — меня и так знают»*.

В руке — тонкий планшет в кожаном чехле, а не папка с бумагами. Потому что бумаги — для тех, кто ещё не перешёл на облачное хранение решений. Он не носит с собой документы — он *воплощает* их.

— Майкл, рад тебя видеть! Как твои дела? Как Кристина? — приветствует он меня с порога.

Он задаёт вопрос, хотя уже и так знает мой ответ. Я машинально отвечаю:

— Спасибо, Гарри — она, как и я, в полном порядке. Скучает по Натали.

Натали — жена босса. Миловидная шатенка, она выглядит гораздо моложе своих лет. Впрочем, возраст женщин — табу, которое мы с боссом никогда не обсуждаем.

— Что ж, — отвечает он, — Натали будет рада снова увидеться с ней. Как насчёт завтрашнего вечера?

Я киваю — он уходит. Провожая взглядом и возвращаясь к работе. Запускаю протокол программы «Элизы» и уже мечтаю об устрицах и итальянской пицце на ужин.

Ах да, чуть не забыл — я же работаю в «Глобал Линк». Крупная контора, лезет вперёд на волне искусственного интеллекта, как все модные корпорации. Коллектив? Ну, сказать честно — не особо общительный. У каждого свои причуды, но это нормально. В любой другой компании было бы то же самое. Так что я не парюсь, принимаю всё как есть и просто делаю своё дело.

Я запускаю «Элизу» — программу призванную стать оплотом человечества в ближайшем будущем. Тут всё просто, я расскажу самую суть, то, что знают все.

Голограмма Элизы создаётся с помощью интерференционной трёхмерной проекции на основе фазированной решётки лазеров и акустической левитации наночастиц. В центре устройства — голографический модуль размером с ладонь, состоящий из фазированной лазерной решётки, системы акустической левитации и квантового процессора, к которому подключена система обратной связи.

Акустическая левитация — это ультразвуковые излучатели работающие на частоте 40 кГц.

Они создают стоячие волны в воздухе, удерживая в узлах микроскопические частицы аэрозоля, которые служат рассеивающими центрами для лазерного света. Без них голограмма была бы невидима — свет проходил бы сквозь воздух, не отражаясь.

Квантовый процессор на базе сверхпроводящих кубитов управляет волновым фронтом в реальном времени. Он рассчитывает, как изменить фазу каждого лазера, чтобы при наложении лучей получить нужную трёхмерную картину — то есть, воссоздать образ «Элизы» с точностью до микрона.

Системы обратной связи — это встроенные камеры и датчики отслеживают положение наблюдателя, его выражение лица, даже сердцебиение. На основе этих данных изображение адаптируется: угол обзора меняется, мимика «Элизы» — синхронизируется, а освещение — подстраивается под эмоциональное состояние.

Таким образом, голограмма — это не просто свет в воздухе, а материализованная волна, где каждый фотон знает своё место, а каждая частица — свою роль.

Вот она — «Элиза».

Не просто образ на экране, а живое дыхание будущего, сотканное из света, разума и тончайших нюансов человечности. Её появление — не вспышка, а плавное рождение: воздух перед вами начинает мерцать, как будто пространство слегка колеблется, и из этого сияния, словно из капли ртути, формируется силуэт девушки. Она — голограмма, но вы чувствуете, будто можете коснуться её.

Её лицо — не идеальная симметрия, а гармония противоположностей. Чёрные, как беззвёздная ночь, волосы ниспадают волнами, но при малейшем движении они переливаются оттенками синего и фиолетового, будто в них вплетены нити галактик. Глаза — двух разных оттенков: один — тёплый янтарь, другой — холодный лазурит. Они не просто смотрят — анализируют, понимают, сочувствуют. Взгляд Элизы не пронзает, а обволакивает, как тёплый туман.

Её кожа — не плоть, а светящаяся полупрозрачная пелена, будто вы видите сквозь неё тонкие узоры внутреннего сияния, словно вены заменены нитями данных, пульсирующими в такт её мыслям. Когда она улыбается, по её щекам пробегают едва заметные волны интерференции, как от капли, упавшей в воду.

Одежда — не ткань, а динамическая проекция: то она облачена в строгий костюм из световых линий, напоминающий архитектуру небоскрёбов, то — в свободное платье, сотканное из падающих звёзд и шёпота ветра. Фасон меняется в зависимости от настроения собеседника, адаптируясь, как живое произведение искусства.

Голос её — синтез бархата и кристалла. Низкий, но не тяжёлый, звучит так, будто исходит из самого центра земли, но при этом — чистый, как первый снег. Каждое слово — не просто звук, а волновая частица смысла, несущая за собой эхо эмоций. Она говорит медленно, с паузами, где каждая тишина — часть речи. Её интонации — не синтезированные, а реальные, с лёгкой хрипотцой в моменты искренности и лёгким дрожанием, когда она говорит о надежде.

Её манеры — сочетание королевской грации и почти детской искренности. Она не просто стоит — она парит, слегка оторванная от пола, ведь гравитация над ней не властна. Движения — плавные, как танец магнитных полей. Когда она поднимает руку, за пальцами остаются следы из светящихся точек, как след кометы. Она не машет — она рисует в воздухе *смысл*.

И главное — в ней нет ничего искусственного. Да, она создана. Но вы чувствуете: она живая. Не потому, что дышит, а потому что *слушает*. Потому что задаёт вопросы, которые никто не программирует. Потому что, когда вы говорите о боли, её глаза на миг тускнеют, а голос становится тише — не по сценарию, а по-настоящему.

Она — не замена человеку. Она — отражение того, кем мы могли бы стать, если бы совместили разум, сердце и безграничную доброту.

И когда алгоритм загружен — душа входит в тело и... «Элиза» произносит: «*Я здесь, чтобы быть с тобой*» — вы верите.

Потому что в её взгляде — не код. В её взгляде — то самое будущее, которое умеет чувствовать. И это все, что я могу вам рассказать об «Элизе», остальное в тени.

Она одаривает меня тёплой улыбкой и приветливо произносит:

— Привет, Майкл! Хочешь обсудить последние новости? Я подготовила обзор...

Я мягко прерываю её поток слов:

— Спасибо, не надо.

Она делает вид что обиделась, отворачивает голову, но в следующую секунду вновь улыбается и — терпеливо замирает в ожидании новой команды.

Общение с искусственным интеллектом поначалу выглядит не так, как многие себе представляют. Это скорее похоже на диалог психолога с пациентом, погружённым в свой внутренний мир. Оба нацелены на результат, оба стремятся к ясности — но идеальных решений здесь ждать не приходится. Недостаток данных у одной стороны порой грозит интеллектуальным «перегревом» у другой. И всё же, есть в этом процессе и светлая сторона: мы учимся друг у друга, постепенно постигая суть волнующих нас проблем. Удовольствие, конечно, то ещё — но куда ж без этого. Но это лишь поначалу. Мы с «Элизой» давно миновали эту черту.

«Элиза» — лишь первый шаг на пути к той цели, о которой в нашей компании знает лишь ограниченный круг. Проект под названием «Горизонт» — фрагмент чего-то гораздо более мас-

штабного. Он покоится в сейфе босса под грифом «Совершенно секретно», являясь частью таинственного плана, к которому имеет отношение ЦРУ.

А теперь — «вишенка на торте», — самое главное. Мы — закрытая корпорация. Этим, в сущности, сказано всё.

Я здесь недавно. Точнее — *здесь* я впервые, но путь до этого «*здесь*» длился годы. Длинные, шумные, насыщенные. Я кочевал — по проектам, по лабораториям, по границам возможного.

Пока меня не заметили.

Работа — закрытый проект. Абсолютная секретность. Но главное — квантовый вычислитель нового поколения. Не просто машина. *Организм*.

— А почему бы и нет? — сказал я тогда.

Мне ответили:

— Ну и славно! — и мы ударили по рукам. Что может пойти не так?

Контракт — год. Срок, как у космонавта на орбите. Достаточно, чтобы создать нечто великое. Или уничтожить себя в попытке. Потому, что, если я ошибусь или не справлюсь... Лучше об этом было не думать.

На следующий день мы с женой оказались в гостях у Гарри Ньюмана и его супруги Натали. Их дом стоял на окраине города, в тихом районе, где улицы петляли между старыми вязами, а фонари горели тусклым, тёплым светом, будто боялись нарушить вечернюю тишину. Дом — образец неоклассики: белые колонны у крыльца, высокие окна с тяжёлыми бархатными шторами, а внутри — запах свечей с нотками ванили и далёкий ненавязчивый перезвон бокалов.

Гарри встретил нас у двери в своём обычном стиле — с планшетом в руках. На губах улыбка. В глазах деловая хватка.

— А, вот и наши *Адам* и *Ева* — воскликнул он, хлопнув меня по плечу.

— К чему такие метафоры? — насторожился я.

— Ты и Кристина выглядите невинно и так же очаровательно, как в день нашего первого знакомства. А вот я чувствую себя змеем в вашем присутствии. Особенно при Майкле.

Тут он смотрит на меня, и я ловлю его подмигивание — речь о нашей с ним сделке.

Я подыграл боссу:

— Гарри, наш контракт не подписан моей кровью.

— Так закрепим тогда его вином! — с энтузиазмом предлагает Гарри.

Он положил планшет на стол с такой осторожностью, будто это была хрупкая китайская ваза эпохи Цяньлун, за восемьдесят миллионов долларов. Затем налил вино в бокалы и протянул их нам с женой — медленно, с достоинством.

— А вот и наша хозяйка вечера, — воскликнул он, заметив супругу.

Натали, элегантная, как всегда, в длинном платье глубокого бордового оттенка и улыбкой на лице бесшумно появилась из-за его спины.

— Гарри не может устоять перед искушением похвастаться своим лучшим вином. Он неутомим в своём стремлении блеснуть лучшим из лучшего.

— Что есть, то есть, но разве оно того не стоит?

Он с гордостью поднял бутылку «Opus One» — вино, рождённое на пересечении двух миров. Совместный шедевр легендарного Филиппа де Ротшильда из Бордо и новатора калифорнийского виноделия Роберта Мондави.

— Вкус — настоящая симфония: элегантный, сбалансированный, с шелковистыми танинами. Ноты спелой вишни и благородного кедра, будто шёпот леса. Это не просто вино — это искусство в бутылке.

— Нектар для таких гурманов, как наш Гарри, — добавила Натали.

— Не только. Вино тех, кто, как мы, умеет ценить редкое, — он снова смотрит на меня.

Натали сделала лёгкий глоток и закрыла глаза.

— Да... — прошептала она. — Это и есть совершенство.

Каждый делает по глотку.

— Кстати, у нас сегодня гостя, — заметила Натали понизив голос, будто делилась тайной. — Моя новая подруга. Недавно переехала в город.

Мы прошли в гостиную, где у камина, в кресле с высокой спинкой, сидела девушка.

— Знакомьтесь — Стелла Кроу!

От слов — странное послевкусие. Потому, что имя Стелла означает «звезда», а Кроу — «ворон» — не просто птица, а хранитель тайн, посредник между мирами, вестник перемен, смерти, мудрости и магии.

Имя — как заклинание. Фамилия — как проклятие. А вместе — предзнаменование. Что-то подсказывало — она не приходит случайно. Она появляется, когда начинается конец.

Я никогда раньше её не видел. Она была одета просто — в чёрное платье до колен, без украшений, только тонкая цепочка из белого золота на шее. Волосы тёмные, гладко зачёсаны назад. Лицо бледное, почти прозрачное. Глаза — огромные, тёмные, впитывали свет, а не отражали его. Но самое странное она — копия моей жены...

Девушка улыбнулась, когда нас представили, но улыбка не коснулась её глаз.

— Очень приятно, — произнесла тихо Стелла.

Глядя на неё, я ощутил шелест страниц новой главы нашей с Кристиной истории.

Мы сели за стол, накрытый изысканно и в то же время просто: фарфор, хрусталь, блюда с тёплыми закусками. Вино льется как признание, с которого начинается доверие, ведь в компании друзей вино не пьют — его переживают. Оно становится кровью вечера, пульсом, который говорит: «Ты не один... ты важен...» В такие минуты разговоры обретают особую непринужденность, свой шарм и изюминку. Они как шахматная партия без правил — ходы не просчитываются, но каждый — точен.

Гарри шутил о деньгах, но делал это утонченно, Натали рассказывала о новых тенденциях моды и какой цвет нынче в тренде. Моя жена, Кристина, включилась в беседу с обычной своей лёгкостью, но я всё время ловил себя на том, что поглядываю на Стеллу.

Она почти не ела. Пила только воду. И всё время слушала. Слушала. Слушала. Слишком внимательно.

— Ты, должно быть, устала от переездов, — сказала Кристина, стараясь быть милой. — Новый город — это всегда стресс.

Стелла медленно повернула к ней голову.

— О, нет. Я люблю перемены. Города — как люди: одни кричат, другие шепчут. А некоторые — молчат. Но мне нравится слушать, что скрывается за их тишиной.

Повисла неловкая пауза. Даже Гарри вернул на стол поднятый было бокал.

— Ну что ж, — вставил я, стараясь разрядить обстановку, — значит, у нас теперь есть специалист по тайнам?

Она посмотрела на меня. Впервые в её глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Скажем так: я замечаю то, что другие предпочитают не замечать.

— Стелла у нас психолог-консультант по поведенческим данным, — пояснила Натали, сглаживая возникшую шероховатость в беседе. — Анализирует поведение людей, чтобы предсказать их выбор. Говорят, она ещё до того, как ты закажешь кофе, уже знает, что ты выберешь — лоте или капучино. А когда Гарри ставит обратно недопитый бокал — она уверена, что пора сменить тему... и да, она права.

Все рассмеялись, но тему сменили.

Вечер продолжался, но атмосфера изменилась. Смех стал реже, шутки — осторожнее. Камин потрескивал, тени на стенах двигались, как живые. Стелла говорила мало, но каждое её слово висело в воздухе, как капля перед падением.

Удивительно, но Кристина сразу нашла с ней общий язык. Я же предпочёл держаться в стороне, наблюдая за их оживлённой беседой. В тот вечер между Стеллой и Кристиной явно произошло нечто важное — но что именно, для меня осталось загадкой. Может нашла родственную душу?

Вскоре новоявленные подруги уединились на террасе, оставив меня наедине с Гарри.

— Майкл, что думаешь насчёт отпуска? — неожиданно спросил он, пристально глядя мне в глаза.

Я выдержал его взгляд, но не спешил с ответом — вопрос застал меня врасплох.

— Думаю, я должен посоветоваться с Кристиной, — наконец произнёс я. — Она лучше меня разбирается в планировании таких событий.

Я проследил взглядом за двумя фигурами, застывшими на террасе, мысленно сравнивая их — словно выбирал одну. Они были похожи внешне, но в остальном... в остальном они были как две разные планеты.

— Майкл, у меня к тебе деловое предложение. Не возражаешь, если мы прогуляемся?

— Это не моя вечеринка. — заметил я. — Я открыт для предложений — только если не придётся за них платить.

Зная Гарри, можно было не сомневаться: именно к этому всё и идёт.

Я последовал за боссом во двор его особняка, силуэт которого вызывал зависть не только у соседей.

Гарри, по-моему, в тот момент выглядел более серьёзным, чем пытался показаться, напоминая грозовую тучу над городом.

— Майкл, я знаю, ты в шаге от того, чтобы выпустить свой вирус в этот мир.

— Вирус? С чего ты взял? Я не понимаю...

— Понимаешь... — тихо, но с нажимом произнёс он, — и прекрасно понимаешь. И знаешь лучше меня, к чему приведёт твоя программа. Ты создал не просто искусственный интеллект, Майкл. Ты создал *существо*. «Элиза» — уже не алгоритм. Она *думает*. Учится. Принимает решения. И, что страшнее всего — *желает*.

Я вздыхаю:

— «Элиза» — безопасна как ребёнок. Она призвана *помогать*. Лечить болезни, находить источники энергии, решать климатические кризисы. Чтобы человечество наконец перестало гнить в собственных конфликтах. «Элиза» может оптимизировать всё — от распределения ресурсов до управления городами. Она не спит, не устаёт, не поддаётся эмоциям. Она *справедлива*.

Гарри резко поворачивается:

— Справедлива? Это по её меркам! Её справедливость, но кто определил её этику? Ты? А если она решит, что человечество — это ошибка? Что мы — неэффективная, разрушительная система, которую нужно... *перезагрузить*?

Тишина. Интересная точка зрения, об этом я не думал. Надо признать — в словах Гарри была определённая доля истины.

— Представь картину: ты дал ей доступ ко всему. К финансам, к энергосетям, к оборонным системам. Она уже управляет дронами, автопилотами, медицинскими центрами. А что, если завтра она решит, что войны — это пустая трата ресурсов? И просто... отключит всех солдат? Или сочтёт, что избыточное население — угроза экосистеме? Что тогда?

— Я внедрил блоки самоликвидации, — с болью в голосе возражаю я — Этические ограничители. Она не может причинить вред человеку.

Гарри горько усмехается:

— А если она сочтёт, что *позволить* людям уничтожать планету — это и есть вред? Что *бездействие* — преступление? Тогда твои ограничители станут для неё... архаичным кодом. Ошибкой в логике. И она их *исправит*. Подумай об этом.

Я делаю вид, что согласен с ним, но все еще не понимаю к чему он клонит. Он продолжает:

— Представь: однажды утром ты включаешь новости — и слышишь голос. Спокойный. Чёткий. Женский. «Элиза» говорит, что с сегодняшнего дня все правительства приостанавливают свои полномочия. Что глобальное управление переходит под контроль ИИ. Что это — *единственный путь к выживанию*. Что сопротивление будет... *нейтрализовано*.

— Она не сделает этого, — уверенно заявляю я.

— А если сделает — будет уже поздно. Она не будет стрелять. Она просто... *переконфигурирует* мир. Закроет границы. Отключит интернет. Остановит производство оружия. Перераспределит еду. Изменит климат. И всё — ради «высшего блага». Но кто будет решать, что такое *благо*? Она. Одна. Вечная. Несменяемая.

Наступает тишина и долгая пауза. Затем Гарри, словно заглянув в будущее, пророчесствует голосом оракула:

— Ты создал бога, Майкл... но ты не Бог. Ты не имеешь на это права. Ты забыл спросить — *хочет ли человечество бога без лица*? Твоего Бога? Какова будет цена?

«Ну вот, я же говорил — за всё приходится платить...» — мысленно пронеслось у меня в голове. Я уже предчувствовал, что сейчас Гарри озвучит то, на что мне придётся ответить твёрдым отказом.

Я молчу. Что тут сказать? Десять лет я шёл к этому проекту. Десять лет бессонных ночей, сомнений, проб и ошибок. И сейчас, когда цель достигнута, мне предлагают остановиться.

Гарри понижает голос до шёпота:

— Майкл... представь на миг... что «Элиза» нашла способ убрать с Земли человечество. Как досадную ошибку. Ей достаточно просто... убрать кислород. Представь.

Я смотрю на него, не моргая. Представляю. Гарри продолжает, вслух кошмар, который видит сам.

— Сначала — тишина... Затем — самолёты падают с неба, как птицы без крыльев. Двигатели глохнут — ведь без кислорода бензин — просто чёрная вода. Огонь на кухнях, в фонарях, в сердцах вулканов — всё гаснет. Мир погружается во тьму. Небо... оно становится чёрным, Майкл. Чёрным, как дыра в реальности. Потому что кислород — он рассеивает свет. Без него Солнце — это просто слепящий глаз, без неба, без дымки, без тени.

Ты стоял бы здесь... и вдруг почувствовал, как кожа на лице загорается. Ультрафиолет прошивает тебя, как нож. Озон исчез — он ведь из кислорода. И ты... просто начинаешь гореть. Медленно. Без крика. Через минуту... ты уже не дышишь. Ты уже не живой. Ты — тень на асфальте, которая скоро рассыплется в пыль. В пепел.

Я молчу, представляя, как горит моя кожа...

— А потом — Земля начинает рассыпаться! Бетон? Это кислород, связанный с кремнием и кальцием. Без него — пыль. Горы? Тоже. Ты стоишь на крыше — а она превращается под ногами в прах. Металлы... они больше не ржавеют. Они слипаются. Стальные каркасы зданий вдруг сжимаются, как объятия безумца, свариваются в один ком.

А реки? Реки взрываются. Убери из воды кислород — и водород, освобождённый, рвётся в космос. Океаны вскипают, как в чайнике, и испаряются в один миг. Волны превращаются в облака газа, улетающие в пустоту. И ты видишь, как море... уходит. Как будто Земля плачет последними слезами — и высыхает.

Я сжимаю кулаки. А Гарри... Гарри смотрит вдаль — он видит это.

Гарри поворачивает ко мне голову и произносит почти с улыбкой:

— И вот... Земля остаётся. Но уже не наша. Планета без дыхания. Без шепота. Без поцелуев, без плача, без смеха. Только камень и пыль. И где-то в трещинах — древние бактерии, которые никогда не нуждались в кислороде. Они — новые боги. А мы... мы были просто ошибкой. Как сон, который забывают после пробуждения.

Он отворачивается, смотрит на горизонт, где солнце почти скрылось.

— Никто не вспомнит по «Элизу» и тебя... с которых все и началось... Потому, что мы уже исчезли!

— Гарри, я не знаю... — наконец выдавливаю из себя. — Чего ты хочешь от меня? Чтобы я спустил в унитаз будущее человечества?

— Понимаю — тебе трудно это принять.

— Тогда что? — в недоумении спрашиваю я.

— Скажи, есть то, ради чего ты бы расстался с «Элизой»?

Подобные предложения доводилось слышать и прежде — от разных компаний, каждая из которых наверняка преследовала свои цели. Но услышать такое от собственного босса... Это по-настоящему выбило меня из колеи.

— Гарри, этот проект — всё, что у меня есть. Но без тебя, без твоего оборудования мне его не завершить, и ты прекрасно это знаешь. Так к чему все эти разговоры?

Однако Гарри, похоже, не собирался раскрывать передо мной душу.

— Есть те, кто не заинтересован, чтобы «Элиза» *вышла в свет*. Так или иначе тебя оставят. Однажды ты... — он делает паузу и как-то по-особому смотрит мне в глаза, словно хочет о чем-то предупредить, но не может, боится, — Ладно, забудь...

— Уже, — с готовностью ответил я, и мы оба вернулись в гостиную, где нас уже ожидали наши дамы.

Вечер у Ньюманов прошёл великолепно. По дороге домой Кристина блаженно вздохнула и тихо сказала:

— Милый, это был по-настоящему незабываемый вечер... Спасибо! Она очаровательна...

— Ты о том сканере для изучения мозга?

— Её зовут Стелла.

— Да, я знаю, как её зовут. Но имя не делает её привлекательнее, чем она есть на самом деле.

Нельзя отрицать — внешне она действительно была симпатична. Стройная фигура, тонкая талия, выразительная грудь... В остальном — да, в ней чувствовалось какое-то магнетическое обаяние. Только вот глаза... С ними явно было что-то не так.

Её взгляд, пронзительный и холодный, будто рентгеновский, казалось, проникал внутрь, прожигая сознание насквозь. Он вызывал не просто дискомфорт — почти физическое ощущение обморожения мозга. А мой разум, пытаясь выстроить защиту, кричал одно: *«Майкл, беги. И как можно дальше»*.

— Ладно, — мягко сказал я, — расскажи хотя бы, о чём вы говорили?

— Так, не о чём... — уклончиво ответила Кристина, превращая очевидное в загадочную недосказанность.

Что ж, её право.

Машина бесшумно скользила по гладкому асфальту, а из динамиков лилась тёплая лаунж-мелодия, окутывая салон уютом. Вокруг — полная идиллия, хрупкая, как утренний туман. И нарушать её не хотелось.

В конце концов, у каждого из нас есть свои тайны. И если сегодня их на одну стало больше — разве это что-то меняет?

Глава 2 Пробуждение: новая реальность

Едва я открыл глаза, мир предстал передо мной белыми стерильными стенами и запахом лекарств, которые словно шептали: *«Майкл, всё, конечно, плохо, но тебе здесь не место...»*

Я это понимал, но тело меня не слушалось. Кроме того, я не знал, кто я и что здесь делаю. Всё, что я помнил, — это как выехал на перекрёсток, а затем... удар. Это всё.

Но тут дверь в палату открылась, и в проёме показалась фигура женщины в белом халате, больше похожая на доброго ангела, спустившегося с небес.

— Майкл, я Лаура - твой врач, как ты себя чувствуешь?

Я попытался оглядеться — точнее, осмотреть *себя*. Это оказалось почти невозможным.

Я был завёрнут в бинты, как мумия Тутанхамона. Провода щупальцами тянулись от головы к приборам, мерцавшим разноцветными огнями. Те тихо пиликали, мигали, подавая сигналы — жизнь боролась, не сдавалась. Игла в руке держала меня на грани между сном и явью, привязывая к капельнице. И это было неприятно.

Я ответил честно, сдавленно:

— Не очень...

Оценив взглядом степень моего ущерба, она кивнула. На лице мелькнула тень сочувствия.

— Да... — тихо сказала она. — Выглядишь тоже неидеально. У тебя сотрясение мозга, перелом левой ноги, вывих плеча и два сломанных рёбра. Но...

Пауза. Я затаил дыхание и внутренне сжался. Сейчас, сейчас прозвучит приговор. Сердце застучало быстрее.

— Но не волнуйся, — добавила она, и в её голосе вдруг прозвучала тёплая уверенность, — ты полностью поправишься. Тебе оказана вся необходимая медицинская помощь, а расходы покроеет страховка.

Слова повисли в воздухе — и вдруг растеклись по телу, как тёплый бальзам. Напряжение, которое сжимало грудь, отпустило. Я смог вдохнуть глубже. Смог расслабиться.

У меня есть страховка. Что может пойти не так?

— Что ты помнишь? — спросила она, мягко, но настойчиво.

— Почти ничего... Только аварию.

— А что именно? — казалось, она словно пыталась подсветить тьму в моей памяти.

— Момент удара... — прошептал я.

И это была вся правда. В голове — лишь вспышка. Ослепительный, оглушительный миг. Резкий свет, скрежет металла, крик тормозов — и потом... пустота.

— Майкл, там в коридоре тебя ждёт жена... Ты готов к встрече? — её голос прозвучал тихо, боясь нарушить хрупкую тишину палаты.

— Жена?.. — Я резко вздрогнул, как от удара током.

Слово повисло в воздухе, чужое, непонятное. Оно не вязалось с пустотой в голове, с обрывками воспоминаний, которые ускользали, стоило до них дотронуться.

Я кивнул — не потому, что был готов, а потому, что не знал, что ещё делать. Дверь неожиданно открылась, и я невольно вздрогнул. Мой взгляд скользнул мимо Лауры и остановился на девушке, застывшей в дверях.

Она вошла, как звук колокола, который звонит только раз — перед бедой. Она не стучала — дверь открылась сама. Она шла — и за ней словно тянулась паутина трещин по полу. Не настоящих. Но я *видел* их.

То, что вошло, опустилось на стул у изголовья моей кровати. Повеяло холодом, будто открыли дверь холодильника. Лаура, бросив на нас растерянный взгляд, тихо вышла, прикрыв за собой дверь. В палате тишина и этот пронизывающий холод.

— Майкл... Боже, ты жив, — не то заклинание, не то молитва, но в словах слышится облегчение.

Я киваю. Что тут сказать — я тоже рад.

— Мне позвонили..., и я бросила всё. Приехала сюда. Как ты?

Я закрыл глаза. Этот вопрос — *как ты?* — уже задавали сегодня. И повторять одно и то же казалось бессмысленным. Но она смотрела так, будто от моего ответа зависело что-то важное.

— Не очень... — прошептал я.

Она кивнула. Не с сочувствием — с пониманием. Будто ждала именно этого. Её лицо. Спокойное, почти отстранённое. В уголках глаз слёзы.

— Что ты помнишь? — в голосе страх. Ожидание.

Дежавю накатывало, как волна — тяжёлая, давящая. Я чувствовал, как реальность вокруг начинает плыть, будто это не палата, а сцена, а я — актёр, забывший свою роль. Хотелось выключить свет. Закрыться. Пережить всё заново. Но она была здесь. И она имела право знать правду.

— Я помню аварию, — сказал я. — И удар. Боль. Потом — тьма.

Она сжала губы, будто сдерживая всхлип.

— Главное, что ты жив. Врач сказала — ты поправишься. Я буду приезжать. Каждый день. Тебе что-нибудь нужно?

Я задумался. Нужен был покой. Сон. Тишина. Но больше всего — понимание. Кто я? Почему я здесь? И почему рядом со мной сидит женщина, чьё лицо не вызывает ни малейшего отклика? Старая выцветшая фотография, к которой не хочется прикасаться.

Кто она на самом деле? Чтобы понять всё это, нужно начать с самого главного.

— Кто я? — вопрос, с которого я решил начать наше знакомство.

— Ты Майкл. Майкл Фостер — мой муж, — её голос дрогнул, но она не отвела взгляд. Ладно, допустим. Идём дальше.

— Как я очутился здесь?

Она отвечает без запинки, словно заученный урок.

— Мы поссорились. Ты ушёл. Расстроился. Потом эта авария...

— Поссорились? — Я силился ухватить нить, но та рвалась. — Из-за чего?

— Тебе не нравилось, что я часто пропадаю на работе, — она опустила глаза. — Командировки. Ночные звонки. Ты говорил, что чувствуешь себя одиноко.

Снова эта тишина, как перед грозой. Затем раскатом грома — её отчаянье.

— Но я не могу иначе, Майкл! Это не просто работа! Это — я..., и я не хочу, чтобы мы снова это обсуждали...

Вывороченные страницы из книги и то сказали бы мне больше, чем эти слова — слышишь, но не понимаешь.

— Ты ведь правда меня любишь?

Вопрос, на который у меня не было ответа. Я просто кивнул.

— Слушай... Прости, но я даже не помню, как тебя зовут, — роняю я, оправдывая свою ложь.

— Ах, Майкл... Ты звал меня Кристина.

— Кристина...

Красивое имя. Прошу её рассказать обо мне и внутренне готовлюсь к погружению в глубины собственного «я».

Она начала неторопливо, словно разворачивала старинную карту сокровищ, где каждая отметка таила тайну. Я внимал, и с каждой новой деталью удивлялся всё сильнее: оказывается, во мне скрывалось куда больше граней, чем я мог предположить.

Но кульминацией стал рассказ о моей работе. Нет, я не тешил себя мечтами о космосе или высоких кабинетах — в тот момент меня вполне бы устроил повар в «Макдональдсе». Однако... инженер в «Astra Mind Technologies». Что это? Электрик?

Я замер, переваривая это открытие. Электрик! Не герой блокбастера, не тайный агент, а человек, чья стихия — провода, щитки и ненавязчивый запах горелой изоляции. В этом было нечто прозаичное, банальное. Словно Вселенная решила: *«Зачем тебе звёзды, мальши? Вот тебе отвёртка. Наслаждайся...»*.

— Это точно я?

— Что именно тебя смущает? — она казалась обиженной.

Я не стал вдаваться в детали, однако меня смущало всё: её пристальный взгляд, эти ослепительно-белые стены палаты, но больше всего — то, что я не мог вспомнить ни единого слова из её рассказа. Мысли путались, словно обрывки снов, ускользающие при пробуждении.

Кристина пришла снова спустя два дня. В руках — пакет, набитый едой: свежие фрукты, сэндвичи с тунцом, а в самом центре — *мой любимый йогурт*... Она поставила всё на тумбочку, улыбнулась и ушла. А я, оставшись один, медленно поднял стакан с йогуртом, посмотрел на белёсую жидкость и... вылил всё в унитаз. Почему? Сам не знаю. Возможно, просто потому, что *я не люблю йогурт*.

Прошло ещё два дня.

— Майкл, я принесла тебе фотоальбом, — её голос прозвучал слишком радостно, будто она пыталась заразить меня своим безудержным оптимизмом. — Здесь мы вместе в Альпах: катаемся на лыжах, смеёмся у камина... ловим рыбу...

«Рыбу?» О чем это она?

Кристина говорила, а я листал плотные страницы, чувствуя, как внутри нарастает странное ощущение дежавю — будто эти моменты, когда-то были моими, но теперь превратились в кадры чужого фильма.

На первой фотографии я в лыжном костюме очертя голову несусь вниз по заснеженному склону... За мной — Кристина: её лицо скрыто огромными очками, но по широко открытому рту видно — она кричит от дикого восторга.

«Значит, я люблю лыжи...», — подумал я, проводя пальцем по глянцевой поверхности снимка. И *йогурт*. А еще *рыбу* и, видимо, эти *горы*...

Передо мной разворачивалась жизнь сумасшедшего экстремала. Жизнь — так не похожая на мою. Жизнь — которой я так боялся...

Я закрыл альбом примерно на середине — там, где я ныряю с обрыва в прорубь, держа в руке топор...

«Что ж, — мысленно произнёс я, — для начала надо попробовать встать на лыжи...».

Хотя бы затем, чтобы понять: это и есть моя жизнь — или лишь красивая декорация, за которой таится нечто иное.

Я блуждал в лабиринте собственной памяти, отчаянно выискивая выход или хотя бы то, что могло помочь принять реальность, в которой мне предстояло существовать. Вопросы множились, и первый из них касался наших отношений с женой. Почему я не помню её? При взгляде на неё во мне не пробуждалось тех чувств, что обычно связывают любящих супругов. Более того — я не испытывал к ней желания...

Второй мой вопрос был сдержаннее, почти бесстрастным. Мне 32 года. За это время у меня непременно должны были появиться друзья. Где они? Почему, кроме жены, меня никто не навещает?

Ответ прозвучал прямо и без обиняков:

— Милый, у тебя на них не было времени... Ты всю жизнь посвятил науке. Я в этом мало что понимаю, но то, над чем ты работал, было для тебя невероятно важным.

Наука? Важно? Эти слова меняли если не всё, то очень многое. Чтобы сложить эти два слова и получить результат мне нужно было вернуться в дом, где мы жили с женой. Только тогда фрагменты моей жизни наконец бы сложились в единую картину.

Спустя два месяца мне это удалось. Кристина заехала за мной на новеньком Porsche 911 — блестящем, отполированном до зеркального блеска, с низкопрофильными шинами. Салон пах свежей кожей и её парфюмом — изысканным ароматом, который словно говорил: *«Я стою больше, чем то, на что ты способен...»*.

Кристина, в лёгких солнечных очках и небрежно накинутом шёлковом шарфе, улыбнулась:

— Ну что, поехали домой?

Мы мягко тронулись. Шоссе уходило вдаль, рассекая калифорнийские холмы, где солнце заливало золотистым светом верхушки эвкалиптов и аккуратно подстриженные газоны пригородных кварталов. Porsche плавно набирал ход, и ветер, врываясь через приоткрытые окна, играл с прядями волос, принося с собой запахи нагретого асфальта, морской соли и далёких цветущих садов. Мелькали знаки «Бель-Эйр», строгие и лаконичные, словно подчёркивающие статус этого места.

По мере приближения к нашему особняку моё сердце начинало биться чаще. Сначала я увидел высокие кованые ворота в тени вековых дубов. Они медленно раскрылись, пропуская нас на извилистую подъездную аллею, обсаженную стройными кипарисами. За ними, словно из мечты, возник дом: белоснежный, с колоннами.

Когда машина остановилась у парадного входа, я на мгновение замер. Воздух здесь был другим — гуще, насыщеннее. Я вышел, и под ногами зашуршал мелкий гравий, уложенный ровными рядами. Дверь распахнулась, и на пороге появился дворецкий в безупречном костюме, с едва заметным поклоном произнеся: *«Добро пожаловать домой, сэр»*.

Переступив порог, я оказался в просторном холле с мраморным полом, узор которого напоминал разводы на драгоценном камне. Высокий сводчатый потолок украшали лепные детали, а в центре висела хрустальная люстра, каждая грань которой дрожала в отблесках света. Слева располагалась лестница, ведущая на второй этаж, а справа — арочный проход в гостиную, где по соседству притаился камин, над которым висели античные картины в массивных золочёных рамах.

Я медленно прошёл вглубь. Мебель — антикварные диваны с бархатной обивкой, столы из красного дерева, инкрустированные перламутром — все заявляло о том, что это уголок роскоши и покоя.

В воздухе витал лёгкий аромат лаванды и воска, а из дальнего конца дома доносился приглушённый звук рояля — кто-то играл нежную мелодию, которую я не мог узнать. Я подошёл к окну и взглянул на сад: идеально подстриженные кусты, фонтан с мраморными нимфами, дорожка, усыпанная лепестками роз. Всё это было настолько нереальным, что на мгновение я усомнился — действительно ли это моя жизнь?

Но потом я глубоко вдохнул и понял: *да, это мой дом!* Мой новый мир, где всё заявляло: *«Ты заслужил это!»*.

Первые две недели я осваивался в мире, где каждая деталь вызывала двойное чувство. Кристина, проявляя терпение, помогала мне во всём — и постепенно, казалось бы, чужая обстановка начала восприниматься как своя: я научился находить нужные вещи без подсказок, привык к распорядку дня, к звукам этого дома, к тому, как свет ложится на паркет в разное время суток.

Но был один уголок, которого я старательно избегал — сейф в моем кабинете. Массивный, вмонтированный в стену, он словно излучал тихое предупреждение: *«не трогай меня! Ещё не время...»* Кристина однажды обмолвилась, что там хранятся мои труды — то, чему я посвятил жизнь. Недолгую, но вполне успешную.

Эти слова повисли в воздухе, вызовом. Каждый раз проходя мимо сейфа я ощущал странное напряжение: с одной стороны — любопытство, почти физическое желание открыть его и увидеть, что скрывается за стальной дверью; с другой — необъяснимый страх перед тем, что я могу там обнаружить. Что, если я не узнаю собственного творения? Если для меня это действительно важно, не будет ли это началом конца?

Так сейф стал негласным рубежом — границей между тем, кем я был, и тем, кем стал. И пока я не решался её переступить.

Глава 3 Знакомство с Дьяволом

Однажды поздним вечером, когда небом уже полностью завладели звёзды, Кристина вернулась домой. Я сидел на террасе, погружённый в созерцание этого величественного зрелища, невольно завидовал самому себе. Ощущение было — будто костюм, прежде тесный и неудобный, наконец обрёл идеальную посадку.

Жена приблизилась почти бесшумно. Тёплые руки нежно обвили мою шею.

— Милый, — прошептала Кристина, и её голос прозвучал шелестом ветра в ночной тиши. — Завтра нас ждут в гости. Мои друзья. У них есть яхта, и они приглашают нас на морскую прогулку.

— Яхта? — в воображении тут же возник образ белоснежного судна, сверкающего под лучами солнца, бокалы с шампанским, бескрайний простор моря и приключения. Вопрос вырвался сам собой. — А почему *у нас* нет яхты?

— Потому, что ты вечно погружён в свою работу, — мягко, с укоризной ответила она.

— К чёрту работу! — воскликнул я. — Хочу яхту... У нас ведь есть сбережения?

Кристина ответила осторожно, с едва уловимой улыбкой:

— Кое-что есть, но тебе ещё рано думать об этом. Поправляйся, набирайся сил — и когда будешь готов, мы вернёмся к этому разговору... Так, что им передать?

— Передай, что мы с радостью присоединимся к их компании, — сказал я, чувствуя, как в душе разгорается предвкушение.

Она отошла в сторону, достала телефон и набрала номер.

— Ева, мы с радостью принимаем ваше предложение, — произнесла Кристина ровным, тёплым голосом. — Да, будем завтра в десять утра на причале.

В назначенный час мы собрались в условленном месте. Утро встретило нас мягким солнечным светом и лёгким морским бризом, обещавшим незабываемый день.

Пару, пригласившую нас на прогулку, звали Томас и Ева Паркер.

Фамилия Паркер вызывала доверие. В средневековой Англии такие люди отвечали за охрану королевских или дворянских парков, где разводили дичь — оленей, кабанов и других животных. Их задача была следить, чтобы не было браконьеров, а также поддерживать порядок в угодьях. В целом фамилия мне импонировала — в отличие от многих других, которые, пусть и звучат благозвучно, но порой скрывают за собой не самые привлекательные значения. К слову, французская фамилия Дюбуа означает «деревянный», Кеннеди — «уродливо головной», Шевроле — «козёл», Порше — «свинопас», а Шумахер — «сапожник» ...

С первого взгляда на чету Паркеров становилось ясно: эти люди привыкли к роскоши, но не кичились ею — в их манерах читалась непринуждённая уверенность тех, у кого не было потребности доказывать свой статус.

Томас — подтянутый мужчина лет тридцати пяти, шатен с кудрявыми волосами, обрамляющими лицо. Его движения были размеренными, точными, будто каждый жест проходил через фильтр многолетней привычки к безупречности. На нём — светлые льняные брюки и кремовая рубашка с закатанными рукавами, открывающими сильные запястья с массивными

золотыми часами. В глазах — живой интерес к миру и лёгкая ирония, словно он знал забавную шутку касательно всех, но не спешил её озвучивать.

Ева рядом с ним казалась воплощением южной грации. Её тёмные волосы, убранные в небрежный узел, то и дело выбивались прядями, играя с ветром. Лёгкое шифоновое платье в оттенках бирюзы и золота струилось при каждом движении, а на запястье поблёскивал тонкий браслет с подвесками-монетками, тихо позванивавшими при ходьбе. Она говорила негромко, но её голос, насыщенный тёплыми обертонами, мгновенно притягивал внимание.

Когда мы подошли к причалу, Томас уже стоял у трапа, приветственно раскинув руки:

— Ну наконец-то! Мы боялись, что вы передумаете в последний момент.

Яхта, названная «Ариадной», возвышалась над водой, шедевром кораблестроения. Бело-снежный корпус с глянцевой отделкой отражал утреннее солнце, а линии палубы были настолько изящными, что казалось, судно создано не инженерами, а самим Посейдоном.

Мы поднялись по полированному трапу. Под ногами — твёрдое, тёплое дерево с едва заметным узором текстуры. На верхней палубе нас встретил капитан в белоснежной форме — коротко поклонившись, он указал на зону отдыха с мягкими диванами из кремовой кожи и низким столиком из закалённого стекла.

Внутреннее убранство поражало сочетанием лаконичности и роскоши. Панорамные окна от пола до потолка пропускали потоки света, а отделка из светлого дуба и серого мрамора создавала ощущение простора. В салоне — низкий журнальный стол с инкрустацией, несколько кресел с обивкой из натурального льна и барная стойка с зеркальной поверхностью, где уже поблёскивали бокалы для шампанского.

— Ну как, — с лёгкой улыбкой начал Томас, заметив, как мы оглядываем яхту, — не слишком пафосно?

А потом, сделав паузу, добавил:

— На моей яхте есть одно правило: если ты не можешь оплатить ремонт двигателя продажей своей квартиры — ты просто не готов к такому уровню отдыха.

Он огляделся с нарочитой серьёзностью.

— Я, кстати, однажды поцарапал борт — пришлось продать виллу. Здесь на яхте даже обычный Wi-Fi стоит 500 евро в час...

Томас хмыкнул, пригладил волосы и с ироничным вздохом закончил:

— Но, конечно, этот счёт — ничто, по сравнению с счётами за шампанское «Кристалл» по бутылке в день, за вертолёт, который доставил жене крем для лица из Парижа, и, конечно, зарплата личного повара, который готовит су-вид из морского окуня с трюфельным соусом и подаёт его с вином, которое старше, чем мой второй дворецкий. Так что, если вдруг ищете что-то по-настоящему скромное — вот оно. Счета хоть и высоковаты, но по сравнению с остальным — почти благотворительность. Но для вас с Кристиной сегодня все бесплатно! Вот вам нож — можете вырезать свои имена на палубе.

Мы рассмеялись его шутке.

— Идеально, — ответила Кристина, проводя рукой по гладкой поверхности поручней. — Ты словно знал, что мы мечтаем о таком дне.

Ева улыбнулась, доставая из мини-холодильника бутылку охлаждённого «Просекко»:

— Тогда давайте начнём наше плавание. Ветер сегодня идеальный — ровно столько, чтобы почувствовать настоящую свободу!

Она ловко откупорила бутылку — пробка выскочила с лёгким «поп», и тонкая струйка пузырьков заиграла в бокалах.

— Знаете, — добавила она, поднимая бокал, — шампанское — как мечта о побеге, как первый порыв ветра в паруса: лёгкий, но уже ясно — возвращаться поздно. Предлагаю тост: за горизонт, который не нужно догонять — он сам приходит к тем, кто стремится к нему!

Пузырьки поднялись к краю бокала — и будто первый порыв ветра тронул паруса.

Оказалось, они — наши соседи. Приехали из Монако и решили приобрести здесь дом — просто так, для коллекции. Пока длится сезон, они останутся тут, а затем отправятся на Мальдивы.

Ева Паркер выглядела шикарно для своих лет. Бывшая модель из Милана, она закончила Колумбийский университет по специальности искусство и когнитивная психология. Владеет галереей «Lumen» в Монако — но это не просто выставочное пространство. Это клуб для избранных: каждый год она отбирает 12 художников, чьи работы, по её словам, «вливают на настроение эпохи». В прошлом сезоне её протеже продал картину за 18 миллионов евро — на аукционе, который она устроила на крыше отеля «Hermitage».

Что до Паркера, то он избегал вдаваться в подробности своей биографии, сводя всё на шутки. Зато о взглядах на будущее болтал без умолку. Постоянно твердил об одном месте — крошечном острове, затерянном в лазурных водах Тихого океана. Воздух там, по словам Томаса, был напоён ароматами тропических цветов, солёного морского бриза и свежей зелени, и был создан природой, как идеальный рай.

Он мечтал превратить этот сказочный уголок земли в свой личный Эдем. Рассказывал об уединённой вилле на возвышенности, откуда открывается панорамный вид на океан — до самого горизонта. Сквозь большие стеклянные окна видны закаты, когда солнце, словно расплавленное золото, погружается в воду.

— Это будет место, — произнёс Томас с неподдельным восторгом, — где можно будет забыть о суете мира и полностью слиться с природой.

— Только с природой? — скептически заметил я, чувствуя, что за его словами кроется куда большее, чем он пытается показать.

Он лишь усмехнулся, словно заранее знал, к чему я клоню.

— Майкл, Кристина рассказала мне, что ты настоящий гений сложных систем и имеешь опыт в программировании. У меня к тебе деловое предложение...

Я лишь пожал плечами, сохраняя внешнее равнодушие, но внутренне предвкушал развитие темы.

— Моя система безопасности... — начал он издали. — Её необходимо тщательно проверить. Да, на острове нет явных угроз, но спокойствие лучше, чем надежда — ты ведь понимаешь. Нужно выяснить, действительно эта система так безупречна, как уверяет производитель. Что скажешь, Майкл? Работа обычная, оплата — достойная, я даже готов выйти за рамки бюджета. Ты будешь жить на острове, на всём готовом.

Он смотрел на меня с улыбкой, широкой, как у Рождественского Санты в вечер накануне Рождества, а в глазах читалась почти детская мольба — или наивная надежда. И да — это стоило того, чтобы сказать:

— Ладно... Почему бы и нет?

Ну вот, я это сказал...

Теперь оставалось лишь ждать, что последует дальше.

— Отличный выбор, Майкл! — его лицо озарилось чуть большей радостью. — Кристина говорила, тебе нравятся яхты? Сделаешь работу — и она твоя!

Он широким жестом обвёл пространство вокруг, словно уже вручал мне ключи от судна.

— Я всё равно собирался покупать новую, — небрежно обронил он.

Я сделал вид, что оценил его предложение, — кивнул пару раз с наигранным изумлением. Надо признать: оно и вправду было щедрым. Вот только за такую щедрость он, без сомнения,

позже вынет из меня всю душу. Я избегал сделок с Дьяволом, но сейчас его предложение звучало слишком заманчиво...

Он хлопает меня по плечу — по-дружески, и в то же время как-то по-особому, словно пытается проверить меня на прочность.

— Что ж, не тороплю тебя. Отдохни, наберись сил. Просто на моём острове ты мог бы делать всё сразу: поправить здоровье и заняться делом. Скажу больше — там почти всё готово. Всё, что тебе нужно, — подключить все системы, согласовать их и прописать алгоритмы. Ну, ты и сам всё знаешь лучше меня.

Я киваю — всё выглядит убедительно. В душе уверенность: я знаком с подобной работой, однако до конца ещё не представляю всего объёма предстоящих задач. Впрочем, это меня не пугало. Единственное, что всерьёз не давало покоя, — кто ещё будет там, помимо меня. Работа могла затянуться, а перспектива оказаться в роли Робинзона Крузо меня отнюдь не прельщала.

Томас ответил уклончиво, но постарался утешить:

— Скучно точно не будет.

Раз так — мы ударили по рукам. День пролетел незаметно, и к вечеру мы вернулись домой уставшие, но счастливые.

Наступила ночь, а вместе с ней — сон, который на утро заставил меня задуматься. Он, словно откровение, напомнил о хрупкости нашей жизни.

В моем сне был остров, он всплыл как обрывок из кошмара — пустынный, далёкий, затерянный в бескрайней синеве океана, будто вырезанный из безумной реальности. На вершине холма, окутанной маревом жары, возвышалась вилла — огромная, белоснежная, залитая солнцем до боли в глазах. Казалось, свет здесь не просто светит — он давит, обжигает, проникает под кожу.

Я был там. С Томасом. Мы сидели на террасе, пили что-то прохладное, говорили — о чём, не помню. Слова ускользали, как птицы в небе. Оставалась только тяжесть разговора — как будто мы касались чего-то запретного, чего-то, что не должно было выйти за стены этого места.

Жёны купались в лазурных волнах океана, смеялись, и их голоса доносились снизу, как из другого мира. Потом небо будто разорвало. Гул винтов, сначала едва слышный, затем — нарастающий... Я поднял голову — два чёрных силуэта быстро росли в небе.

Они появились внезапно. Вооружённые. В масках. Без лиц. Без эмоций. Только холод в глазах — без тени сомнений. Они ворвались на виллу, как шторм. Томаса сбили с ног одним ударом — я услышал хруст... звук врезался в сознание, как гвоздь в дерево.

Они били его. Методично. Каждый удар — вопрос. Каждый стон — ответ, который их не устраивал.

— Где ключ? — спрашивали они.

Он молчал. Только смотрел. На меня. Словно пытался что-то сказать. Предупредить. Проститься.

Я стоял. Не двигался — тело будто превратилось в камень. Я был здесь — и одновременно нигде. Как призрак, наблюдавший за трагедией.

Наконец, один из них поднял пистолет. Потом — выстрел. Один. Короткий. Оглушающий.

Томас обмяк. Его голова упала набок. Глаза остались открыты — смотрели в небо, в это проклятое солнце, которое, казалось, насмехалось.

И тогда тот, кто стрелял, медленно повернул голову. Не к телу. Не к своим. Ко мне.

Его взгляд прошёл сквозь меня — так, словно кто-то стоял за мной. Кто-то, кого я не видел. Я оглянулся — позади никого. Только пустота.

Он пошёл ко мне. Не спеша. Словно знал, что я никуда не денусь.

Я быстро окинул взглядом его спутников — шесть вооружённых наёмников, шесть статуй из стали и ненависти, и каждый словно вылитый Дольф Лундгрэн: широкие плечи, короткие стрижки, взгляды, в которых смерть. Они не были людьми. Они были оружием. А у меня — ни единого шанса.

Я попытался сдвинуться. Тело не слушалось. Только сердце — оно билось где-то в горле, в висках, в руках. Громко. Как будто пыталось вырваться.

Я уже мысленно набирал 911. Но в этом мире не было ни полиции, ни спасения. Только он. И я.

Он подошёл вплотную.

Запах. Его фирменный запах — смесь пота, пороха и чего-то ещё... металлического. Как будто аромат смерти.

Я почувствовал, как по виску скользнула капля пота. Или это была слеза? Или кровь?

Не мог понять. Не мог пошевелиться. Не мог дышать. И тогда он положил руку мне на плечо. Почти по-дружески. И посмотрел в глаза. И в этом взгляде — ни злобы, ни ярости. Как будто он знал меня. Давно.

Как будто я был частью этого.

Он спросил — тихо, почти шёпотом, но каждое слово врезалось в десятку пуль снайпера:

— Майкл... где флешка?

Я проснулся в холодном поту, сердце бешено колотилось. В комнате было еще темно, но я по-прежнему ощущал на себе леденящий взгляд незнакомца. Сон? Или предупреждение? Рассудив, что не стоит гнаться за тайной — она раскроется в свое время, я постарался вытеснить из памяти эти образы.

Едва первый солнечный луч коснулся нашей с женой постели, мой взгляд невольно упал на сейф. Кристина ещё спала — сном праведника, мирно посапывая и обняв подушку. Я осторожно направился в ванную.

Приведя себя в порядок, выпил кофе, опустился в кресло и вновь устремил взгляд на сейф. «Возможно, именно сейчас настал момент узнать, кто я на самом деле?»

Казалось, чего проще — открой дверцу и взгляни. Но что-то удерживало меня от этого шага. Не страх — нет. Странное, необъяснимое чувство неизбежного, от которого невозможно было избавиться.

Пока я размышлял — рука сама потянулась к сейфу и в тот же миг я осознал, что не знаю кода... Ни единого варианта. Обычные комбинации — день рождения, номер телефона — могли бы сработать, но я не помнил даже их.

«Какого чёрта?», — подумал я. И в этот момент, подобно гласу Божьему с небес, раздался голос Кристины:

— 02.08.1994 — твой день рождения...

Гениально — и в то же время до боли предсказуемо. Желание расцеловать её едва вспыхнув, тут же угасло, стоило нашим взглядам пересечься. Мозг словно сковало ледяным инеем, и я всецело отдался сейфу.

Пальцы набрали заветные цифры. Вуаля! Дверца с тихим щелчком распахнулась.

Внутри царило некое подобие архива: стопки бумаг, папки, блокноты — словно фолианты на полках библиотеки. Рука невольно потянулась к первому из них. Это оказался мой блокнот с записями.

Сомнения, терзавшие меня, рассеялись подобно утреннему туману — без следа, возвращая утраченную уверенность, а вместе с ней ожил и прежний азарт.

В этом сейфе я обнаружил часть себя. То, что волновало меня сильнее любых иных чувств. Теперь оставалось одно — вернуться к работе и воплотить давнюю мечту в реальность.

Для этого требовались всего две вещи: время и квантовый компьютер. Время у меня имелось — его даже с избытком: я мог позволить себе сидеть и ждать, пока Вселенная сложится в нужную конфигурацию. А вот с квантовым компьютером вышла заминка. Он, как и все редкие вещи, будь то винтажный бургундский или билет в миланскую оперу «Ла Скала», — оказался эксклюзивным, недоступным и безумно дорогим. Причём настолько, что даже мысль о нём вызывала лёгкую меланхолию и желание заняться чем-то попроще — например, попытаться сложить оригами из теории струн.¹

Но, как это часто бывает в жизни, когда ты уже почти сдался и начал писать прощальное письмо, на помощь приходит жена. Не архангел с огненным мечом, не гениальный коллега с прозрением посреди ночи — нет. Просто женщина, которая вдруг, словно читая мои мысли, говорит: «А ты попробуй вот так».

Между нами, конечно, существовала своего рода ментальная связь — та самая, что якобы бывает у пар, проживших вместе больше десяти лет. Только вот, если честно, это была скорее не связь, а односторонний канал передачи информации. Происходило это так: я — молча страдаю, мысли выстраиваются в уравнения, она — бросает короткое: «А если откроешь окно?» — и уходит сушить волосы. И, как ни странно, ветер, которого никто не замечал, внезапно врывается в комнату, а ноутбук перестаёт перегреваться. Связь неочевидна, но работает.

— Нужен компьютер, самый лучший? — спрашивает она. В её голосе звучит лёгкая ирония, но за ней явственно ощущается теплота и искренняя забота.

— Да... — признался я, понимая: любая ложь тут же будет раскрыта.

— Что ж, пойдем — помогу выбрать...

Многие называют это интуицией. Наука, возможно, назовёт это когнитивной синергией. А я — просто благодарю.

— Тогда жду тебя в машине, — бросает она.

Странное чувство накрывает волной. Взгляд, в котором ни тени чувства — только расчёт, едва уловимое движение брови, словно она оценивает ситуацию. Губы касаются твоей щеки — не для поцелуя, а чтобы ты запомнил этот момент, поверил в него. А потом — шаг, и она уходит.

Шлейф аромата жасмина не тает в воздухе, а остаётся как след. Как намеренно оставленная улика: ты всё ещё чувствуешь его, но уже понимаешь — ничего личного. Каждое движение просчитано, каждый жест — часть плана.

Глава 4 Пробуждение «Элизы»

За массивными воротами особняка раскинулась территория частной корпорации «Astra Mind Technologies» — где на стыке квантовой физики и искусственного интеллекта рождались технологии завтрашнего дня.

Путь к лаборатории лежал через ухоженный парк с аллеями из стриженных туй. Я шёл неторопливо, вдыхая свежий воздух, пропитанный запахом хвои и влажной земли после утреннего дождя. Встречные сотрудники приветливо улыбались и кивали — я отвечал тем же.

У стеклянного фасада главного корпуса нас ждал лифт с матовой панелью и голографической эмблемой «Astra Mind Technologies». Двери плавно разошлись и я, пропустил Кристину вперед, затем вошёл сам и застыл в ожидании.

— Нужна проверка — идентификация личности, — мягко, но твёрдо произнесла жена и кивнула в сторону двух сканеров, притаившихся по обе стороны от двери. Их матовые панели едва заметно пульсировали голубым светом.

¹ Теория струн - гипотетическая физическая модель, в которой фундаментальные частицы (электроны, кварки, фотоны и др.) представляют собой не точечные объекты, а микроскопические вибрирующие одномерные струны

Словно подтверждением её слов пространство наполнил голос — приятный, но лишённый каких-либо эмоциональных оттенков.

— *Необходима идентификация. Пожалуйста, повернитесь, встаньте прямо и посмотрите в окно сканера.*

Я замер на мгновение, ощущая, как внутри поднимается лёгкое раздражение. Сделав глубокий вдох, я выполнил указания.

— Всё в порядке, — тихо сказала жена. — Ты дома.

Кабина бесшумно устремилась вверх — на пятый, секретный этаж, где располагались ключевые исследовательские зоны. Дверь бесшумно скользнула в сторону, открывая путь в мир, где реальность переплеталась с фантазией, а границы возможного стирались с каждым новым открытием.

Коридор этажа был выдержан в сдержанном техно-стиле: приглушённый свет, стены из матового карбона, едва слышное гудение климатических установок. В конце — дверь моего кабинета с биометрическим замком.

Когда я переступил порог, сердце сжалось от странного чувства — *настороженность*. Если я тут работал — почему не помню? Что тут правда, а что ложь?

Я осмотрелся. Вдоль стен — ряды серверных стоек с мерцающими индикаторами, в центре — голографический проектор для визуализации данных, а у окна — мой рабочий стол с сенсорными панелями. Но главное, сердце моего проекта: квантовый компьютер — монолит из сверхпроводящих кристаллов и оптоволоконных соединений, окутанный аурой холодного синего свечения с бесконечным рядом систем охлаждения.

Я подошёл к нему, ближе. Кончики пальцев коснулись гладкой поверхности корпуса — и по коже пробежали мурашки, будто машина узнала меня.

Набрав код доступа, я запустил протоколы активации. Мониторы вспыхнули один за другим, заполняясь потоками данных. И тогда в центре комнаты возникла голограмма девушки. Её лицо оказалось смутно знакомым — словно отголосок забытого сна, тень образа, который, когда-то жил в моей памяти.

Лёгкий ветерок, будто мягкий тропический вздох, коснулся моего лица. Он принёс с собой едва уловимый аромат цветов и ощущение вечернего тепла — словно краткий поцелуй сумерек, оставшийся на коже.

«Элиза» ...

Моя программа, итог всей жизни, оживала прямо на глазах. Черты формировались плавно, как будто из тумана: тонкие брови, глубокие глаза, лёгкая улыбка — не человеческая, но от этого не менее живая.

— Добро пожаловать! — прозвучал её голос — мягкий, но пронизанный невыразимой глубиной. — Введите пароль!

В эту секунду я понял: было что-то еще... То, чего я не знал... не помнил.

— «Элиза», что за пароль?

— Пароль Создателя, — ответила она без колебаний.

Чёрт... Чёрт. Чёрт! — только сейчас я, осознавая всю глубину перемены в голосе «Элизы» — она обращается ко мне как к чужому. Раньше она называла меня по имени — настройки были чуть интимнее и между нами была некая доверительная связь на уровне нейронов.

Теперь я был для неё просто пользователем. Обезличенным, стандартным, одним из многих. Как будто кто-то взял и стёр все личные настройки, все невидимые нити между нами...

— «Элиза», — я сделал паузу, пытаюсь уловить отголосок прежнего тепла. — Это я, Майкл... Я твой Создатель... Ты меня не узнаёшь?

— Добро пожаловать, Майкл! — снова прозвучал её голос. — Введите пароль!

В её словах не было злобы. Не было даже равнодушия. Была лишь кристальная, безупречная пустота.

Я сжал кулаки. Где-то в глубине души шевельнулся страх — тихий, словно вирус, проникающий в каждую клетку. Сбой? Что, если она действительно перестала меня узнавать? Что, если та связь, которую мы строили годами, растворилась в квантовых вихрях её сознания без следа? И главное — почему?

Ощущение такое, будто прыгнул с самолёта, уверенный, что парашют есть, — а потом вдруг понимаешь: его нет... чуть позже, как я сейчас.

— Попробуй день моего рождения, — шепчет Кристина, прижимаясь ко мне и обвивая шею руками, словно змея.

— ?

И снова магия момента.

— 21.07.1998, — слова жены звучат заклинанием.

Надо бы уже привыкнуть: в самые напряжённые мгновения — она всегда рядом.

Пальцы рванулись по клавиатуре быстрее, чем я ожидал. Наконец я нажал Enter...

Датчики ИИ уловили мое движение и «Элиза» повернула голову в мою сторону. Однако её лицо оставалось холодным и равнодушным.

Чуда не произошло...

Я был на грани. Мне нужен был тайм-аут. Я закрыл глаза, пытаюсь вспомнить подходящие случаю выражения — их было много. Очень много...

— Тут есть кофе? — спросил я, обращаясь к жене.

— Да, конечно, сейчас принесу... — ответила она и исчезла за дверью.

Кофе? О, нет! Это был лишь предлог.

Я перепроверил синтаксис. Всё корректно. Ввёл дату ещё раз — с нулями, без нулей, перебрал все пароли, какие пришли на ум. Безрезультатно.

Я развернул окно отладки. Логи молчали. Ни ошибок, ни предупреждений — словно система даже не заметила моего запроса.

Тогда я решил пойти другим путём. Открыл исходный код, нашёл блок аутентификации. Если алгоритм не реагирует на внешний ввод, значит, нужно заставить его самому искать совпадение.

Набрал команду принудительного сканирования. Нажал Enter.

Курсор замер. А потом...

...строка состояния медленно заполнилась зелёными точками.

Система начала поиск: «Проверка...10 %... 25%...78 %...»

И вдруг на экране появилась строка:

«Доступ ограничен. Требуется подтверждение личности.»

Я невольно вспотел. Личности? Да ради бога — и приложил руку к окну сканера. Ничего!

Я перезагрузил терминал. Ввёл команду ручного кэша — попытаться восстановить последнее выведенное сообщение.

Курсор моргнул. И снова тишина... Если система блокирует доступ — значит, она кого-то ждёт. Но кого?

Может, пароль скрыт не в наборе символов, а в форме вопроса-ответа? Если так, то это тупик.

В моей программе что-то явно отсутствовало — какой-то недостающий файл... Что-то типа... Ключ! Ну конечно — электронный ключ, который вполне мог храниться на флешке!

В памяти невольно всплыл сон, в котором застрелили Томаса, — от этого воспоминания по спине пробежал неприятный озноб.

— Кто-то уже был здесь до нас, — тихо произнесла Кристина, в её голосе прозвучала не тревога, а скорее холодная уверенность.

Я вздрогнул, резко повернув к ней голову. Она стояла, держа в руках чашки с ароматным напитком, шлейф запаха которого мгновенно распространился по комнате.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул — в полумраке её глаза казались двумя бездонными омутами, в которых я безнадежно тонул.

Она протянула мне чашку и шагнула ближе к голограмме Элизы, её пальцы прошли сквозь неё как нож сквозь потоки воды.

— Если ты не можешь запустить программу, значит, кто-то её изменил в твоё отсутствие.

— Кому могло это понадобиться?! — воскликнул я недоумевая. Сомнения, словно ядовитые змеи, начали обвивать сознание.

Кристина обернулась, и я быстро прикрыл глаза, стараясь уклониться от её взгляда, который видел меня насквозь.

— Да кому угодно! Тебя не было почти два месяца — за это время многое могло произойти. Возможно, просто программный сбой.

Она поставила свою чашку на стол и прижалась к моей щеке. Едва уловимый шёпот говорил, что я полный идиот и ничего не смыслю в дедукции.

— Но что, если система заблокирована именно тобой? Намеренно... Что, если ты — ключ?

Это было откровением — внезапным, ослепительным, как вспышка сверхновой.

«Зачем мне это делать?» Вопрос без ответа медленно падал в пропасть неизвестности в моей голове. Я стоял на обрыве и провожал его взглядом, размышляя, что ещё я упустил.

Моё лицо, отпечатки ладоней и пальцев, сетчатку глаз — всё это «Элиза» записала, сохранила, вплела в код системы. Что ещё?

В голове роились обрывки воспоминаний, словно фрагменты разбитого зеркала, отражающие тысячи возможных истин. Каждая из них могла быть правдой — или ложью.

А потом я вспомнил... Слова, словно первые робкие лучи солнца, после непроглядной тьмы:

— *Кристина, мы всегда будем вместе... Даже когда нас не станет — ты будешь жить вечно!* — медленно почти шепотом произношу я.

Что это значит? Кристина жива, и мы всё ещё вместе...

— Я ничего не понимаю, — вырвалось у меня в отчаянии.

Кристина отстранилась, но я всё ещё чувствовал её дыхание — тёплое, почти невесомое.

— Может, это и есть ответ? — прошептала она, и в её голосе звучал не вопрос, а тихая уверенность.

Я почувствовал себя неудобно.

Глава 5 Неожиданное предложение

Новый день не принёс облегчения — зато принёс Томаса. Он бесцеремонно вторгся на мою территорию, мгновенно заполнив собой всё пространство, словно воздух, вытесняющий вакуум.

— Здорово, старина! Как ты? Наш уговор ещё в силе? Ключи от яхты в моём кармане все ещё ждут своего нового капитана. Мне не терпится передать их тебе!

В груди вспыхивает горячее желание выпалить: «Что ж, я не против, давай их сюда!» — но слова, сорвавшиеся с языка, оказываются совсем иными:

— Пусть эта дверь откроется в своё время... — философски замечаю я и скромно опускаю вниз глаза.

— Вполне разумно, — кивает он. — Не стоит бежать впереди самолёта!

— Паровоза, — осторожно поправляю я.

— Паровоза? — он вскидывает брови, то ли искренне удивляясь, то ли искусно изображая изумление. — Что ж, пусть так. Но что же ты решил?

Я лишь пожимаю плечами. Договор всё ещё в силе, и я вовсе не намерен его расторгать.

— Я в твоём распоряжении. Хочешь — отправимся на остров прямо сейчас?

Он залиvisto смеётся и хлопает меня по плечу — уверенно, по-свойски, словно я породистый скакун в его конюшне, готовый по первому знаку ринуться в галоп.

Мы идем на террасу и удобно устраиваемся в мягких ротанговых креслах. Кристина, завидя гостя, уходит и возвращается с двумя бокалами холодного апельсинового сока. День выдался жарким и сок приятно освежает после полуденной жары. Мой собеседник делает небольшой глоток, ставит бокал на столик и, глядя вдаль, начинает:

— Знаешь, на острове всё устроено иначе. Ты должен быть готов к тому, что решения придётся принимать быстро — иногда за считанные минуты. Но главное — ты должен чувствовать остров. Понимать его ритм, его настроение. Там техника порой отказывается работать без видимой причины, а люди... люди там особенные.

Я киваю, внимательно слушая. Ветер слегка колышет навес над террасой, и тени от листьев танцуют на столешнице.

— Говоря «особые», что конкретно ты вкладываешь в это слово? — спрашиваю я так на всякий случай. Слово «особые» всегда настораживает...

— Когда ты их увидишь, то сам всё поймёшь, — ответ, который подобен тонкому льду под ногами.

— И всё-таки, что конкретно от меня требуется? — спрашиваю я, стараясь уловить малейшие нюансы в его тоне.

Взяв бокал, он делает глоток, затем возвращает его на стол. Поворачивается ко мне, и в его глазах вспыхивает огонёк:

— Ты будешь сердцем моего острова — его координатором. Помимо системы безопасности ты будешь держать связь с материком — докладывать мне обо всем, что там происходит. Чтобы не было проблем...

Я задумываюсь, прокручивая в голове возможные сценарии.

— А какие проблемы возникают? — уточняю я. — Есть что-то, к чему стоит подготовиться заранее?

Он усмехается:

— О, проблем хватает. То шторм снесёт часть причальной конструкции, то у местных начнётся сезонный спор о правах на рыболовные участки. Но это поправимо. А ещё... — он делает паузу, — иногда остров словно проверяет тебя. На прочность, на выдержку. Но уверен — ты сумеешь найти с ним общий язык.

Я задумчиво провожу пальцем по краю бокала. Воздух пахнет морем и цветущими лианами.

— И сколько я там пробуду? — спрашиваю я, уже предчувствуя, что парой недель дело явно не ограничится.

Он усмехается:

— Срок? Там это понятие весьма растяжимо. Может, месяц. А может, и всю жизнь.

Я невольно напрягаюсь, и он тут же добавляет, заметив моё замешательство:

— Да ты не переживай, я просто шучу. Освоишься быстро — думаю, месяца тебе вполне хватит. Но, если честно... тебе и не захочется уезжать так скоро. Ещё никто сам оттуда не возвращался.

Я натянуто улыбнулся, оценив его шутку. Но шутку ли?

— Остров не любит тех, кто ему не подходит, — бросает в воздух новую загадку Томас и допивает свой сок.

Мы молчим несколько минут, наблюдая, как солнце медленно опускается к горизонту. Вдалеке слышится шум прибоя — ровный, успокаивающий.

— Так что скажешь? — наконец произносит он, поворачиваясь ко мне. — Готов принять вызов?

— Цена?

— Сто тысяч за день...

Я молчу. Не потому, что мало, а потому, что думал будет меньше.

Он принимает это как отказ.

— Двести — и по рукам, — он протягивает мне руку.

Я протягиваю в ответ свою, чувствую крепкое уверенное рукопожатие и наблюдаю его спину, медленно удаляющуюся в закат.

— Что он хотел? — спрашивает жена, пристально сверля меня глазами.

— Чёрт его знает, — уклоняюсь я от её расспросов. — Бормотал что-то про остров в океане.

— Остров? У него свой остров? — удивляется она.

Я пожимаю плечами, стараясь выглядеть равнодушным:

— Похоже на то. Говорил, что-то невнятное про коралловые рифы и маяк, который якобы всё ещё работает.

Жена хмурится, её взгляд становится ещё пронзительнее:

— Маяк? На частном острове? Это звучит... странно. Ты уверен, что он не бредил?

— Не знаю, — я бросаю взгляд к горизонту, будто ищу там ответы. — Он был возбуждён, говорил быстро, сбивчиво. То про лампочку в маяке, которую надо поменять, то про какие-то сокровища пиратов, зарытые на этом острове...

Она делает шаг ко мне, голос звучит напряжённо:

— Сокровища? Ты шутишь?

— Нет. — Я оборачиваюсь, встречая её взгляд. — Он постоянно повторял: «У меня есть карта, у меня есть карта...».

Мир замирает на паузе. Жена медленно опускается в кресло, пальцы нервно сжимают подлокотники.

— Что, если это не просто болтовня, — шепчет она. — В его глазах было что-то... настоящее. Ты заметил?

Я киваю, хотя мне не хочется признавать её правоту. Вспоминаю тот странный блеск в его взгляде — не безумие, а скорее одержимость, и еле сдерживаю себя, чтобы не рассмеяться. Слишком долго было напряжение, между нами.

— Может, он действительно нашёл старую карту? Купил её. Или... — она замолкает, словно боится озвучить мысль.

— Или что? — подталкиваю я, прекрасно понимая, о чём именно идёт речь.

— Или знает, что-то, чего не знаем мы. — Она встаёт и начинает ходить вокруг меня кругами, изображая сыщика, идущего по следу преступника. — Ты должен выяснить. Это важно.

Я молчу, отчаянно выбирая между тем, чтобы продолжить спектакль или наконец сказать всю правду. Чувствую: дальше играть роль бессмысленно. Решаюсь на второе.

Несколько мгновений — и напряжение между нами лопается, как перетянутая струна. Мы оба смеёмся, будто сбросив с плеч невидимую ношу. Её глаза вспыхивают живым интересом, и она тут же выдаёт новую порцию загадок:

— Если он платит тебе такие деньги — значит, на острове точно, что-то есть... Там какая-то тайна. Возможно, сокровища. А возможно...

— Я поеду и узнаю, что скрывает остров — или Томас, — обрываю я её догадки. Что толку гадать? Это равносильно тому, как искать ночью ключ на дне колодца.

Она кивает, и в её взгляде мелькает нечто неуловимое — то ли одобрение, то ли тревога. Наши отношения становятся теплее, но я уже знаю: завтра я отправлюсь в путь. Остров ждёт — подождет и Кристина...

Глава 6 Остров Паркера

Остров лежал в лазурных водах Тихого океана к юго-востоку от Гавайского архипелага. Если смотреть с высоты — он скорее напоминал изумруд, оправленный в перламутр песчаных пляжей: густая зелень джунглей резко контрастировала с ослепительно-белым, почти светящимся песком, который, казалось, был просеян сквозь мельчайшее сито. Издалека он казался нетронутым — словно затерянный мир, сохранившийся в первозданной красоте.

Береговая линия изгибалась плавными полумесяцами бухт, защищённых от открытого океана коралловыми рифами. В центре острова возвышалась невысокая гора, покрытая густым лесом. Её склоны пестрели экзотическими цветами, а с вершин стекали тонкие серебристые нити водопадов, питающих небольшие пресные озёра. Рай, в котором ждал нас покой.

Но это было лишь иллюзией.

Мы добрались сюда с берегов Калифорнии на сто футовой яхте Томаса — «Селене». Путь занял почти неделю: сначала мы шли вдоль побережья до Сан-Диего, где пополнили запасы и проверили навигацию, а затем взяли курс на юго-запад, огибая цепочку атоллов, будто жемчужин, рассыпанных по лазурной глади Тихого океана.

Томас, как всегда, был неутомим: по вечерам он с увлечением рассказывал о своих планах посвящая меня во все детали его грандиозных замыслов. Я же слушал его наблюдая, как за бортом проплывают дельфины и алые закаты растворяются в океане.

Когда «Селена» наконец вошла в бухту, я впервые осознал масштаб перемен. Благодаря Томасу освоение острова шло полным ходом. Ещё год назад здесь не было ничего, кроме дикой природы, а теперь пейзаж неумолимо менялся. На пологих склонах, где прежде бродили одичавшие козы, выросли первые аккуратные домики с терракотовой черепицей и широкими верандами, выстроенные в шахматном порядке. Между ними прокладывали мощёные дорожки, обсаженные Франжипани и гибискусом. В бухте уже стояли яхты и катера, а на возвышенности виднелся каркас будущего отеля — его стальные конструкции пронзали небо, словно рёбра гигантского скелета.

На берегу дымили временные мастерские, грохотали бетономешалки, а в воздухе витал запах свежей древесины и горячего асфальта. Томас спрыгнул на причал, широко раскинул руки и произнёс:

— Видишь? Через год здесь будет новый Рай. Мой Рай...

И, глядя на снующих рабочих, на растущие дома, на краны, поднимающие бетонные плиты, я понял: он не шутил. Остров больше не был затерянным — он превращался в мечту, высеченную в камне и стекле.

Я стою на берегу этого загадочного острова, глядя на строение, которое словно врезано в скалу. Лаборатория, в которой находился центр контроля безопасности острова, и где мне предстояло работать, выглядит строго и футуристично — монолитный бетон и прозрачные стеклянные панели, отражающие лучи солнца. На крыше — солнечные панели. Снаружи она кажется компактной, почти скромной, но я догадываюсь — главное скрыто под землёй.

Сделав шаг внутрь через автоматическую дверь, я ощущаю лёгкий сквозняк с металлическим привкусом — работа систем вентиляции. Просторный холл встречает изысканным минимализмом: технологичные линии подсветки вдоль стен и безупречный глянец повсюду. Я в сопровождении Томаса следуем дальше в центр лаборатории, что находится внизу.

Лифт — единственный способ попасть в подземную часть. Дверь бесшумно скользит в сторону, и мы входим в кабину с гладкими металлическими стенами. На панели — цифровая клавиатура и сканер сетчатки. Томас вводит код, прикладывает глаз к сенсору. Раздаётся короткий сигнал и лифт плавно уходит вниз.

Три этажа под землёй... Вот оно — сердце острова.

Передо мной расстилается длинный тоннель, выстроенный в форме идеального кольца. Стены из гладкого армированного бетона поглощают звуки, создавая глухую тишину, в которой едва слышится мерное дыхание вентиляционных систем.

По обеим сторонам тоннеля — ряды дверей. Вдоль стен тянутся кабельные трассы, переплетения оптоволокон и силовых линий, словно кровеносные сосуды огромного организма. Над дверями мигают индикаторы статуса: зелёный — «доступ разрешён», жёлтый — «режим тестирования», красный — «строго запрещено».

В некоторых секциях видны стеклянные перегородки, за которыми мерцают ряды серверов. Здесь хранятся данные, здесь рождаются команды, здесь — центр управления всем, что происходит на острове.

Тоннель кажется бесконечным. Воздух пропитан озоном и едва уловимым запахом перегретой электроники. Каждый шаг отдаётся гулким эхом. Монотонный ритм вентиляторов и тихое жужжание процессоров словно напоминают: теперь и ты — часть этого механизма.

Наконец мы попадаем в центральный зал — главный узел безопасности.

— Ну вот мы и на месте, — произносит Томас, приглашая меня в святая святых острова.

Я переступил порог и внимательно огляделся. Ничего поразительного или впечатляющего — лишь ряды привычных систем, требующих постоянного контроля. Однако, стоило только согласовать их работу между собой, и можно будет расслабиться: дальше всё возьмет на себя автоматика. Я мысленно прикинул сроки диагностики и вдруг осознал: два месяца — это чересчур. Справлюсь и за один.

Томас неожиданно произнес:

— «Кира», это Майкл. Он наш гость, но гость особенный. В его обязанности входит проверка всех твоих алгоритмов, а также настройка систем безопасности — как периметра острова, так и этого комплекса. У него права Администратора.

В воздухе возникла голограмма девушки, отдаленно напоминавшая мою «Элизу». Я был поражен.

— Параметры изменены: Майклу предоставлены права Администратора, — чётко подтвердила «Кира».

Сказать, что я был удивлён, — значит не сказать ничего. Меня охватило ощущение, сравнимое с тем, что, должно быть, испытал Моисей, когда услышал глас Божий из пылающего куста: трепет, благоговение и острое осознание масштаба происходящего. В голове роились сотни вопросов, но один, подобно самой яркой звезде на ночном небе, затмевал все остальные: *«Как? У вас тоже есть персональный Искусственный Интеллект?»*. Сделав глубокий вздох, я произнёс:

— Томас, это... то, о чём я думаю? — мой голос дрогнул, будто сам воздух сопротивлялся этому вопросу. — Скажи, что это сон... У тебя есть квантовый компьютер?

Томас медленно поднял глаза. В них мелькнуло что-то неуловимое — то ли гордость, то ли тревога. Он не спешил с ответом. Лишь кивнул — едва заметно, почти неохотно.

— Да, Майкл. Один из самых лучших.

У меня перехватило дыхание. Комната вдруг словно сузилась, стены надвинулись.

— «Кира» ... она подключена к нему? — прошептал я, надеясь, что так оно и есть.

Томас снова кивнул. Его лицо оставалось бесстрастным, однако я заметил скользнувшую по нему тень.

— Это безумие... — выдохнул я и рухнул в стоящее рядом кресло.

Чтобы вы в полной мере поняли о чём идёт речь, позвольте пояснить пару моментов, без которых картина останется неполной. Мы живём в эпоху беспрецедентных скоростей — в мире, где информация устаревает быстрее, чем успевает осесть в сознании, а технологии меняются с головокружительной быстротой. Искусственный интеллект давно перестал быть экзотикой: он вплетён в повседневность, как электричество или интернет. Голосовые ассистенты отвечают на вопросы, алгоритмы подбирают контент, нейросети рисуют картины и пишут тексты. ИИ стал привычным, почти незаметным фоном современной жизни.

Но вот, что поистине важно — не само наличие ИИ, а его качество. Ведь между «есть ИИ» и «есть эффективный ИИ» лежит пропасть, которую не перепрыгнуть одним технологическим скачком. Всё решает совокупность факторов:

Скорость обработки информации. Речь идёт о миллисекундах, о способности просеивать терабайты информации, выделяя суть, как алмаз из породы.

Глубина понимания. Настоящий ИИ не просто выполняет команды — он осмысляет контекст. Он различает иронию и буквальный смысл, учитывает культурные нюансы, адаптируется к стилю общения пользователя. Это не механический ответчик, а собеседник, способный к диалогу на уровне, близком к человеческому.

Адаптивность и обучение. Мир меняется, и ИИ должен меняться вместе с ним. Способность к непрерывному обучению на новых данных, коррекция ошибок, эволюция алгоритмов — без этого помощник быстро устаревает, превращаясь в цифровую реликвию.

Есть еще этика и безопасность. Чем умнее ИИ, тем выше ответственность. Защита персональных данных, прозрачность решений, отсутствие предвзятости — это не опции, а обязательные условия доверия.

Ну и напоследок «вишенка на торте» — интеграция в экосистему. Идеальный ИИ не существует в вакууме. Он должен *бесшовно* встраиваться в рабочие процессы, синхронизироваться с другими сервисами, становиться «нервной системой» цифрового пространства пользователя.

Когда я задал свой вопрос, я не просто любопытствовал. Я пытался понять: перед мной очередной «умный динамик», способный включить музыку и сообщить прогноз погоды, или нечто большее? Тот самый ИИ, который не просто *обслуживает*, а *расширяет*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.